

Когда ты толстая, некрасивая, да ещё и с лёгким косоглазием, друзей у тебя в классе нет. В первом классе Сусанну пытались задирать, но она была старше всех, выше всех и сильнее всех, за словом в карман не лезла, и от неё быстро отстали. Со временем Сусанна и одноклассники научились взаимодействовать по самому минимуму, и всех это устраивало. Сусанна надеялась, что так продолжится до окончания школы, но в десятом классе, в самом начале учебного года, в класс пришли новенькие, близнецы Денисовы, Владимир и Екатерина. И Денисов сразу сел за парту Сусанны и спросил:

— Тоже по «Ходячим...» угораешь?

Сусанна не угорала, но худи с принтом из «Ходячих мертвецов» не снимала до тех пор, пока не узнала, что это любимый сериал

сестры Денисова, а сам он предпочитал «Рика и Морти» и «Злоключения Флэпджека». Тогда ей стало стыдно за малодушие, и она наказала себя ношением каких-то обтягивающих девчачьих тряпок, которые ей и в голову бы раньше не пришло надевать. Она думала, что в классе над ней будут смеяться, но все были влюблены в Катю, и атмосфера в коллективе опасно стала напоминать кульминацию романа Патрика Зюскинда «Парфюмер», прочитанный Сусанной летом тайком от родителей. Все всех стали любить, обниматься при встрече, и в этой гламурной обстановке Сусанне стало даже хуже — телесный контакт она вообще не переносила.

Волна братско-сестринской любви схлынула к концу первой четверти, отношения в классе нормализовались, но центром вни-

мания по-прежнему оставалась Катя Денисова. Она была умная, красивая, приветливая девушка, учёба и внеклассная жизнь давались ей одинаково легко, она без труда находила общий язык со всеми. При встрече Катю хотелось потискать, поделиться с ней конфеткой и поправить бантик. Зато её брат, которого все, даже сама Катя, звали просто «Денисов», не особенно любил общаться. Чаще он тупил в смартфон. Но при этом он знал, где можно найти партнёров для покера или «Манчкина», и вместе с Сусанной играл в ЧГК и волонтерил в приюте для бездомных животных.

Сусанна вовсе не была в него влюблена. Может, сначала да, но потом это прошло. Денисов был как пёс из приюта: хороший, но домой забирать не хочется. Правда, дома у Сусанны Денисов бывал всё-таки неоднократно, и даже наравне с прочими друзьями не из класса заслужил привилегию без спроса вторгаться в холодильник.

Поэтому для Сусанны крайне обескураживающе прозвучала просьба Денисова не приезжать к нему завтра на день рождения.

— Почему? — спросила она. — Катя же всех пригласила.

— Все меня мало волнуют, они Катюшкины друзья. Я тебе одной говорю — не приезжай. А то обижусь.

— Да не всралась мне твоя днюха, подавить, — ответила Сусанна как можно спокойнее.

Она сразу ушла из школы, хотя оставались ещё химия и две литературы, предметы, которые ей нравились больше остальных. Отключила телефон и поехала в приют, чтобы отвлечься, и отвлеклась настолько, что домой вернулась в двенадцатом часу ночи, усталая и опустошённая.

Родители встретили её у порога.

— Это что за закидоны? — спросил папа.

— Я не могу сейчас говорить, — ответила Сусанна.

— А когда? — спросила мама.

— Завтра. Или в понедельник.

— Мне кажется, кому-то в детстве доставалось слишком мало поджопников, — заметил папа. — Мой родительский инстинкт требует компенсации.

— В понедельник, — пообещала Сусанна и закрылась в комнате, где бухнулась на кровать пореветь, но неожиданно заснула. И проснулась только следующим утром, да и то потому лишь, что трезвонил телефон.

— Кто это? — спросила она, потому что номер был незнакомый.

— Сусанна, мы тебя потеряли! Ты далеко?

— Э... Катя? Кажется, я не смогу, извини...

— Ты дома?!

— Я проспала. Изви...

— Скажи адрес, мы заедем.

— Не надо!

— Мы уже едем, говори!

Возразить было невозможно, и Сусанна сказала. Катя обещала, что через двадцать минут подъедут. Сусанна заметалась по комнате. Одни сплошные проблемы из-за этих Денисовых. Стоит представить физиономии одноклассников, вынужденных ехать за непонятно кем... то есть за кем — понятно, а вот зачем... короче, одного этого хватит, чтобы выброситься из окна или выпить эссенции.

Она заскочила в ванну, выдавила зубную пасту в рот, хлебнула воды и, пока стояла под душем, гоняла эту жижу сквозь зубы. Хорошо, что волосы короткие, сушить не нужно. Пока переодевалась, осмотрела свою книжную полку и выбрала подарок — «Гаргантюа и Пантагрюэля» с иллюстрациями Доре, на которую давно заглядывался Денисов. Для Кати она взяла Кинга, после чего напялила кеды и вышла из квартиры.

На улице Сусанне сразу захотелось есть, пить и в туалет. Она глянула на экран смартфона. Двадцать минут уже прошло, никто не ехал. Сусанна загадала: если через пять минут никто не приедет, она отключит связь, и вернётся домой, и грохнется обратно в постель.

Но уже через минуту перед ней остановился длиннющий серебристый лимузин, дверь открылась, и Сусанну встретили такие радостные вопли, будто день рождения отмечала она, и лимузин заказала тоже она. Несколько рук схватили её за что придётся и втащили в салон.

Сразу стало понятно, почему никто не возражал заехать: салон автомобиля поражал роскошью, играла музыка, пахло фрук-

тами и шампанским, Сусанну обняли и даже поцеловали в щёчку несколько одноклассниц (Сусанна очень надеялась, что они уже пьяные и завтра забудут об этом эпизоде), всем хотелось подольше нежиться на диванах, высовываться в люк и орать глупости на всю улицу.

Остановилась машина примерно через четверть часа, одноклассники радостно ломанулись на выход. Сусанна вышла последней и увидела улицу, напоминающую загон для скота: заасфальтированную проезжую часть без растительности и пешеходных дорожек, и сколько видел глаз — заборы, заборы, заборы, разных цветов, вида и высоты, но абсолютно глухие. За заборами возвышались особняки в два, три, а некоторые и в четыре этажа.

Дом Денисовых был двухэтажный, из красного кирпича, с большими окнами. Над коньком крыши лениво поворачивался флюгер в виде парусника. Двор, через который они шли к дому, казалось, никогда не закончится. Причём ничего, кроме газонов, в этом дворе не было. Ни кустов, ни теплиц, ни грядок. Футбольное поле, а не двор.

— Вы тут следующий чемпионат не хотите провести? — спросила Сусанна.

Одноклассники посмотрели сначала на неё, потом на Катю. Катя весело рассмеялась, и все тотчас её поддержали. В приподнятом настроении они ввалились в дом.

В прихожей налево была дверь в огромную, почти как в школе, раздевалку, где все снимали куртки и кепки. Разоблачившись, они вышли в огромный светлый холл, где легко могла разместиться бабушкина однушка. По обе стороны холла на второй этаж вели широкие лестницы. В пространстве между потолком второго этажа и полом первого (вспомнилось красивое словосочетание «второй свет») переливалась всеми цветами радуги огромная люстра с хрустальными висюльками. На балконе второго этажа стояли родители Денисова.

Выглядели они так, будто только что приехали с какого-нибудь дико дорогого курорта: загорелые, ухоженные, расслабленные. Одеты они были во всё светлое, мама Дени-

сова держала в левой руке стакан с апельсиновым соком, у отца в правой был бокал с чем-то ярко-рубиновым, скорей всего — вином. Внешне Сусанне они понравились. Отец Денисова выглядел гораздо лучше, чем на фотках в новостях, мать вообще обладала модельной внешностью, но во всей их внешней привлекательности не было ничего искусственного, они не выглядели моложе своих лет. Просто лучше, чем выглядят иные их ровесники, например — родители самой Сусанны.

— Здравствуйте, — сказали родители.

— Здравствуйте, — хором ответили одноклассники.

Сусанна оглянулась. Денисова нигде не было видно. Испытывая неловкость, Сусанна пошла осматривать дом.

Места здесь было много. Из холла Сусанна свернула в левое крыло и сразу оказалась в гостиной, в центре которой громоздилась куча разноцветных коробок, перевязанных лентами. Здесь она увидела плазменную панель в половину стены, целую горную систему мягкой мебели, различные безделушки на полках вдоль стен и даже небольшой фонтан в углу. В фонтане сновали разноцветные мелкокалиберные рыбки и лениво шевелили плавниками золотые рыбины с выпученными глазами. Рядом с фонтаном располагалась двухстворчатая застеклённая дверь. Через неё Сусанна увидела стол с яствами, в центре которого возвышался торт со свечкой в виде цифры 32. Столовая, догадалась Сусанна, но зайти туда не решилась, и даже напротив — вернулась в холл и отправилась исследовать правое крыло.

На первый взгляд, оно представляло собой глухой широкий коридор с дверями по левую и правую стороны. На некоторых дверях висели таблички — ванная комната, мужской туалет, женский. Однако дойдя до конца, Сусанна поняла, что ошиблась: коридор оканчивался не глухой стеной, а ещё одной дверью, выкрашенной под цвет стен, без ручки, но с замочной скважиной. Возможно, подсобка или подвал, но спросить всё равно было не у кого. Судя по звукам, домочадцы и гости собрались на втором этаже.

Сусанна решила не мозолить им лишний раз глаза, попробовала ближайшую дверь справа и оказалась в библиотеке.

В застеклённых шкафах она увидела лишь энциклопедии, биографии великих людей и книги по экономике и политологии. Никакой беллетристики. Сусанне сразу стало скучно, и она подошла к окну. Окно выходило на задний двор, и сразу стало понятно назначение двери в конце коридора. Она выходила прямо на улицу. Очевидно, это что-то вроде пожарного выхода, либо через эту дверь что-то заносят в дом — мебель там, продукты, книги.

— Ты ведь Сусанна?

Сусанна резко обернулась и столкнулась с мамой Денисова. Из стакана, который мама Денисова держала в руках, на ковёр выплеснулся сок.

— Ой! Извините, я сейчас всё уберу, — Сусанна стала рыскать по карманам в поисках носового платка.

— Глупости, я потом сама уберу, — махнула свободной рукой мама Денисова. — Я тебя напугала?

— Немножко, — призналась Сусанна. — Я просто не ожидала...

— Даша, — представилась мама Денисова. — Просто Даша, без «тётъ» и отчества.

— Очень приятно.

— Я тебе сок принесла, — мама Денисова протянула наполовину пустой стакан.

— Извините, у меня аллергия на цитрусовые.

— Пойдём, я налью тебе то, что можно.

— А можно, я подожду, пока торт будет? — смущённо спросила Сусанна.

Мама Денисова рассмеялась приятным смехом:

— Да, Катя говорила, что ты скромница. Как ваши дела с Вовой?

— С кем? — не поняла Сусанна.

— С моим сыном.

— Ой, извините, — Сусанна смутилась ещё сильнее. — Даже забыла, как его зовут, мы друг друга по фамилиям называем.

— И какая у тебя фамилия?

— Судницина.

— Ты извини, но мне твоё имя нравится больше, чем фамилия.

— Ничего. Мне тоже.

— Ну, хорошо, не буду мешать. Если заскучаешь — я в столовой.

Мама Денисова вышла, а у Сусанны осталось странное впечатление, будто её оценивали.

Некоторое время Сусанна ходила вдоль книжных полок, но так ничего интересного для себя и не нашла. Зато нашла коробку с салфетками на читальном столе, обрадовалась, достала одну салфетку и вернулась к месту аварии, чтобы вытереть с ковра пролитый сок. Однако пятна она не нашла, как ни искала. Пол был чистый, а на ковре даже мокрого пятнышка не осталось. Это обстоятельство Сусанну удивило, но заморачиваться она не стала — видимо, не так много сока пролилось.

Библиотека располагалась в угловой комнате, и если одна внешняя стена, как уже выяснилось, выходила на задний двор, то другая — с большой стеклянной дверью в стиле ар-деко — вела на террасу. Туда Сусанна и вышла.

На террасе стояло несколько складных стульев и круглый стол. Похоже, с зимы здесь пока ещё никто не сидел. В соседнем помещении был зал с длинным Т-образным столом и офисными креслами, очевидно, там отец Денисова проводил официальные встречи. Туда Сусанна заходить не стала, просто посмотрела в окно, после чего подошла к краю террасы и облокотилась на перила. Было скучно и хотелось домой. Чтобы как-то скуку развеять, Сусанна перелезла через перила и прыгнула во двор, чтобы как следует осмотреть дом снаружи, и решила сначала ознакомиться с задним двором.

На заднем дворе было пусто: ни хозяйского, ни собачьей конуры, ни мангала, ни печи для барбекю, какие показывают в фильмах про загородную жизнь. Всё тот же газон, и всё. Если, конечно, не считать двери, расположенной в полутора метрах над землёй. Судя по всему, это была та самая дверь, которой оканчивался коридор.

Крыльца не было. К двери вела только наспех сколоченная деревянная приставная лестница, которой, как ни странно, довольно

активно пользовались – на перекладинах виднелись следы. Сусанна подошла ближе.

На перекладинах были травинки, немного грунта, старый хабончик, выкуранный почти до фильтра, прилипший, видимо, к подошве человека, взбиравшегося по лестнице. Любопытства ради Сусанна тоже взобралась по лестнице до двери и нажала на дверную ручку – просто так, по привычке. Дверь неожиданно подалась, но не наружу, как предполагалось, а внутрь. Сусанна не удержала равновесия и повалилась вперёд.

Пол под руками оказался затоптанным и липким, Сусанна даже негромко вскрикнула от отвращения и быстро встала на ноги. Но вопреки ожиданию, она оказалась не в коридоре, где находились библиотека, туалеты и ванная. Станным образом пространство вывернулось, и она очутилась в прихожей. Но выглядела она иначе.

Вместо зеркального паркета – заплёванный, протёртый у дверей до дыр грязный линолеум. В раздевалке стояла вонь от прокисшего пива, вместо вешалок с плечиками в стены были вколочены ржавые гвозди, на которых и висела одежда. В холле тоже царил бардак, на ступеньках лестниц валялся мусор, в углах громоздились пустые бутылки, банки из-под пива и газировки, кое-где перила были выломаны. Стены преобразились: теперь их покрывали не обои и панели из морёной доски, а ругательства и похабные рисунки, сделанные подручными средствами. Только в некоторых труднодоступных местах под потолком можно было разобрать, что раньше они были выкрашены болотно-зелёной масляной краской, нанесённой прямо на побелку и потому отслоившейся и похожей на лишайные струпья.

В гостиной центральное место занимал продавленный диван. Он глумливо попирал собой неопределённого цвета палас со стёршимся у подножия дивана ворсом. Окна давно никто не мыл, шторы замусолились, запылились, а потом снова замусолились. На месте фонтана в неказистой сварной конструкции из углового профиля и арматуры стоял аквариум на сто литров с зацветшей водой и дном, усеянным рыбными скелетами.

Экран телевизора заплёван, пульт оплавлен. О происхождении пятен на паласе, стенах и диване думать не хотелось.

В это время наверху стало шумно, по лестнице загрохотали шаги, и скоро в гостиную ввалились одноклассники, а вместе с ними – родители Денисова. И если одноклассники выглядели как обычно, хотя одежда на них слегка запылилась, то хозяева выглядели совсем иначе. Отец Денисова превратился в огромного тучного мужчину в дорогом, но неопрятном спортивном костюме, с наколками на руках, золотой фиксой во рту и сигаретой в жёлтых пальцах. У мамы Денисова вид был измождённый, домашний халат застиран и заштопан, руки красные и узловатые, глаза ввалились, волосы собраны на затылке в неаккуратный пучок. Только Катя выглядела как одноклассники.

– Давайте к столу, – сказал папа Денисова, затянулся и выпустил в жёлтый потолок струю вонючего дыма.

Сусанна представила, какие угощения её ожидают, и её замутило.

– Сусанна, с тобой всё хорошо? – спросила мама Денисова.

– Да. То есть нет. Мне, наверное, уехать придётся. Я лекарство дома оставила.

– Может, такси вызвать?

– Нет, я сама. Извините... А Денисов... то есть Вовка... он дома? Я поздравить хотела, прежде чем уйти.

– Как поднимешься – первая комната направо, – ответила мама Денисова.

Сусанна осторожно поднялась по скрипучей лестнице, повернула направо и увидела филёнчатую дверь, на которой висела табличка «Без стука не входить».

Сусанна не постучала и не вошла. Тихо, чтобы Денисов не услышал её шаги, она спустилась вниз и вышла из дома, едва не сломав шею: она совсем забыла, что попала в дом с заднего входа, и вместо крыльца там приставная лестница.

Когда она пересекла двор и собралась уже выйти на улицу, её окликнула мама Денисова:

– Сусанна, ты куртку забыла.

Хороша! Деньги-то в куртке, как бы она уехала отсюда?! Сусанна обернулась.

На крыльце стояли все: одноклассники, родители Денисова, его сестра и он сам. Отец Денисова что-то спросил, мама Денисова ответила и сразу получила звонкую оплелуху. Мама Денисова только зажмурилась. Катя и сам Денисов втянули головы в плечи. Остальные ничего не заметили. Возможно, для них папа Денисова только чмокнул маму в щёчку.

Мама Денисова долго-долго шла к Сусанне через двор. Передавая ей куртку, мама Денисова тихо спросила:

- Ты что, зашла со двора?
- Я нечаянно, – ответила Сусанна.
- Никому не говори, ладно?

До понедельника Сусанна жила как в полусне, да и в школе никак не могла отделаться от мысли, засевшей в голове с того момента, как она села в автобус, идущий от коттеджного посёлка Денисовых в город. После уроков, после волонтерской смены в приюте она пошла к Денисову и спросила:

- Пойдём ко мне?

– Ты уверена?

– Мне это нужно.

Денисов кивнул. Маршрутка довезла их до нужной остановки, но Сусанна повела Денисова к себе совсем другой дорогой. Они обогнули пятиэтажку, в которой она жила всю жизнь, и подошли к заколоченной двери чёрного хода, ведущего из подъезда во двор. Сусанна достала из рюкзака гвоздодёр, спёртый из приюта, и посмотрела на Денисова.

Они работали минут десять, сменяя друг друга. Гвозди вылезали из деревянных косяков с натужным скрипом. На шум выглядели и ругались недовольные пенсионеры, но, когда дверь чёрного хода отворилась в темноту подъезда, рядом с Сусанной и Денисовым стояло уже несколько человек – кто с тяжёлыми пакетами из «Пятёрочки», кто с собакой, кто с коляской.

– Ты уверена? – повторил Денисов.

– Мне это нужно, – повторила Сусанна и вошла.

Договор

Сам я из гномов чичимека, или старому – уза. В нашем клане, чтобы жениться, гном должен подарить невесте необычный подарок. Некоторые предпочитают невероятной формы и размеров самородки, иные в совершенстве осваивают какое-либо ремесло. И то, и другое трудно и долго, но вполне достижимо. А я, выпускник горной академии, решил преподнести избранице новое месторождение.

Я мотался по пустыне с теодолитом, киркой, лопатой и мешком для образцов каждый свой выходной, возвращался под утро, накануне смены, весь в пыли, колючках и с десятком килограммов пустой породы в мешке. Никто не верил в мой успех, соперники обивали порог дома моей невесты, она и сама уже потеряла в меня веру и поговаривала, что выберет другого. Но я всё дальше и даль-

ше углублялся в пустыню, пока однажды утро не застало меня километрах в десяти от нашего прииска.

Я впервые возвращался в хорошем настроении: в мешке моём лежали кварц, пирит, турмалин и письменный теллур. Возможно, месторождение, которое я нашёл, было не самое богатое, но стараться там можно, это я чувствовал. Мне не терпелось вернуться домой и похвастаться.

Сначала я не сильно беспокоился. Подумаешь, беспечно рассуждал я, это же Гуанахуато, здесь полно людей и машин, и жизнь не останавливается даже днём. Жизнь бок о бок с людьми отучила нас, гномов, постоянно держать ухо востро, мы забыли, что мы Народ Ночи. Так что я рискнул двинуть домой при солнечном свете. И едва не поплатился за своё легкомыслие жизнью.

Я срезал путь через заросли огромных, в человеческий рост, опунций. Окажись я в таком или в похожем кактусовом лесу безлунной ночью, наверняка бы навывдумывал себе всякого: мол, давным-давно, ещё в доколумбовы времена, здесь могли проживать мои предки, или их ближайшие родичи. Однако в тот момент я на такие возвышенные темы не думал, меня уже начинала мучить жажда, и я остановился у ближайшего кактуса, чтобы сорвать один из фиолетово-красных плодов, рвущихся из мясистых зелёных листьев, словно прыщи. На гномьем наречии они зовутся ночтли.

Людям эти ягоды размером с картофелину голыми руками срывать не рекомендуется: колючки проникают под кожу и неприятно зудят, а вот гномам с их дублёной мозолистой шкурой никакие колючки не страшны. Я схватил первый попавшийся плод и что есть сил крутанул против часовой стрелки — так они легче всего отделяются от листа. Но не тут-то было. Плод не оторвался, а опунция внезапно взвыла страшным голосом, выросла в два раза больше, чем была, и я понял, что едва не оторвал бородавку от задницы кактусового тролля.

В отличие от обычного тролля, который боится солнца и каменеет от его лучей, кактусовый тролль активен только днём. Весь зелёный, мясистый и в колючках, он слоняется по пустыне вдали от оживлённых трасс, но с голодухи может подобраться и к человеческому жилью. В лунную ночь или пасмурным днём кактусовый тролль медлителен и охотится только из засады, а в новолуние и вовсе превращается в термитник, но, стоит первым лучам солнца коснуться окаменелой шкуры, кактусовый тролль оживает и вновь становится быстрым и смертоносным.

По счастью, эти сильные и злобные твари подслеповаты, не слишком умны и крайне редко оставляют потомство. Жрут они всё, что дышит, причём полностью — с костями, потрохами, штанами, ботинками и инструментом. Если что в тролля попадёт, то не выйдет из него, они даже не гадят никогда. Но даже у таких неразборчивых в еде троглодитов есть излюбленные блюда. Это мы, кактусовые гномы.

Зная повадки наших врагов, мы превосходно маскируемся и испокон веков предпочитаем работать ночью. Можно, конечно, построить пару-тройку нефтеперерабатывающих заводов и отпугивать чудовищ бензиновым выхлопом, но гномы, как и тролли, тоже не любят углеводороды. Потому большинство из нас продолжает по старинке добывать драгоценные металлы и самоцветы.

До сих пор я о троллях только слышал и видел лишь на картинках, довольно приблизительных, стоит признать. Так уж случилось, что никто так и не умудрился сфотографировать чудовище, а все картинки рисовались людьми на основе сбивчивых рассказов выживших гномов. Людям, конечно, смешно, что весь наш народ свято чтит табу на рисование всего плохого, но что поделаешь, если легенда гласит, будто тролль появился из кактуса не сам по себе, а потому что гном-художник, пережив забродивших ночтли, пририсовал кактусу глаза и огромную зубастую пасть, а изображение возьми да оживи. Мы не рисуем также гремучих гремлинов, огненных змеев и гарпий, хотя последние — это выдумки Старого Света, и никто из кактусовых гномов в них толком не верит.

Я тоже не особенно хотел разглядывать тролля. Бросив мешок с образцами и инструмент, я метнулся в ближайшие заросли кактусов, всей душой надеясь, что это не напарник моего случайного знакомца. Говорили, будто тролли ходят парами и будто это не просто товарищи по охоте, а муж да жена. По счастью, я угодил точнёхонько в центр молодой, едва начавшей плодоносить опунции, где мгновенно притворился одним из её листьев.

Способность перевоплощаться развилась у гномов давно. Не хочешь быть съеденным — притворись. И хотя нападений троллей не было уже давным-давно, способность перевоплощаться стала такой же культурной традицией, как и запрет рисовать чудовищ. Игра в прятки — это традиционно гномья игра.

Итак, у меня появилось некоторое время успокоиться, придумать, что делать дальше и как следует разглядеть тролля. Он тоже пришёл в себя и теперь тщательно обнюхивал тропинку вокруг себя. В общем, описать

его действительно довольно сложно. Представьте высоченную старую опунцию, которая умеет ходить. Скопление листьев сверху — это голова. Зубастая пасть в середине морды раскрывается, словно цветок, но это такой цветок, что туда человеческая голова влезет полностью, а уж гном и подавно. Глаза тоже похожи на плоды опунции, а вот носы как такового у тролля не было: он и слушал, и принимался ушами. Туловище желтоватое, в складках и заметно ссохшееся, и лапы не растопырены, как принято думать среди гномов, а просто висят, как плети, вдоль тела. Я сразу понял, что тварь давно голодает, потому и забрела так близко к прииску, где велика возможность наткнуться не только на гномов, но и на людей (федеральная трасса всего в миле к северу). Я почти начал жалеть его, как вдруг он заговорил.

— Гном, где ты? Я чувствую, как вкусно пахнут твои подмышки. Отзовись, гном, я тебе скажу, где лежит золото.

Этот голос, высокий, скрипучий, одновременно похожий на визг тормозной колодки по колесу вагонетки и затачиваемой напильником лопаты, я не забуду до конца своих дней. Но больше всего меня в тот момент поразило, что чудовище обратилось ко мне на эза'р, родном языке гномов уза. Признаться, я и сам не очень-то говорил на родном диалекте, больше на испанском и английском, но понял абсолютно всё.

— Что за... — вырвалось из меня, и тролль сразу обернулся на звук моего голоса.

— Маленький гном, я тебя слышу. Пойдём со мной, я покажу тебе золото.

Проклиная свою болтливость, я аккуратно отлип от кактуса и медленно переполз на соседнее растение. В прятках мне до сих пор нет равных, а тогда я и вовсе был чемпионом Мексики, и потому тролль не заметил моего манёвра. Однако он опасно приблизился, и мне пришлось ползти дальше, почти не дыша. Остановился я только тогда, когда оказался за спиной тролля. А тот уже тщательно обнюхивал опунцию, где я только что прятался, и громко шептал:

— Ну где же ты, трусишка. Там много золота, я не вру.

Тролли, как и гномы, врать не умеют. Но всей правды без желания и без причины тоже не выкладывают. Тролль мог иметь в виду всего лишь обручальное кольцо, оставшееся от съеденного им сто лет назад крестьянина. Чтобы узнать, о каком золоте тролль говорил, нужно было задавать правильные вопросы. А к чему приводят разговоры с троллем, я только что увидел: для голодного и ослабшего он оказался слишком быстрым, и нюх у него с голодухи только обострился. Поэтому я решил отползти как можно дальше, и только когда перестал различать чудовище, громко сказал:

— Я на прииске живу, меня побрякушками не удивись! — и тут же отбежал подальше.

Не успел я слиться со стволом дерева джошуа, как тролль, проломившись сквозь заросли опунции, как кирка сквозь песок, начал обнюхивать то место, где я только что стоял.

— Маленький хитрец, — бормотал он, шаря вокруг загребущими лапами. — Я знаю, чего ты хочешь. Ты думаешь, я разболтаю тебе, где именно лежит золото. Что ж, я расскажу. Но за это хочу узнать, каков ты на вкус, мелкий мошенник!

С этими словами он прыгнул и приземлился прямо возле меня. Я мог вытянуть руку и коснуться его ноги, если бы в тот миг вообще сумел пошевелиться. И тролль бы точно меня сожрал, если бы не гремучая змея. Она издали услышала топот чудовища и уползла, от греха подальше, в свою нору под деревом, на котором я спрятался. Когда тролль приземлился рядом с норой, змея с перепугу подумала, что охотятся на неё, и нанесла упреждающий удар. Яд гремучих змей опасен для человека, смертелен для гнома, а для тролля всего лишь болезнен, но тех мгновений, что взбешённое укусом чудовище пожирало змею, мне хватило, чтобы убежать на приличное — по гномьим меркам — расстояние. Скрывшись в кактусах, я прислушался. Тролль всё ещё бушевал, кляня змею (и меня до кучи). Я слышал, как он крушил дерево джошуа, на котором я прятался, но оборачиваться не хотелось, нужно было убежать как можно дальше.

Подальше не получилось: я быстро устал и остановился, чтобы восстановить дыхание. Так, подумал я, солнце ещё даже в зенит не поднялось, а я уже дважды чудом остался жив. В третий раз может не повезти, так что выяснять, где лежит золото тролля, вряд ли имеет смысл. В конце концов, я уже нашёл месторождение. Жаль, что образцы остались в мешке. Конечно, можно было за ним вернуться, но убегать от тролля с мешком камней за плечом, даже если камни драгоценные, не будет ни один гном.

Но даже налегке я стану для тролля лёгкой добычей, едва выйду на открытое место. Конечно, на открытом месте уже начинается людское жильё, но это значит, что я подвергну смертельной опасности не только себя, но и людей. Остановить кактусового тролля очень тяжело: пуля его не берёт, яд не убивает, боль только злит, а злость придаёт силы. Такой даже если не сожрёт, то легко убьёт или покалечит. Мне оставалось только найти укрытие в кактусовых зарослях и молча ждать темноты.

Найти укрытие для гнома нетрудно, ему любой кустик укрытие. Сложнее с запахом. Я уже убедился, что у тролля фантастическое обоняние, и он будет преследовать меня, пока не найдёт. Нужно было во что бы то ни стало сбить его со следа.

Будь у меня с собой канистра бензина, нюх троллю можно было бы отбить надолго, но канистры у меня не было. Я решил: если вернусь, обязательно скажу, чтобы гномы никогда не отправлялись в разведку без бутылки горючего. И на всех гномьих маршрутах нужно оставлять схрон с запасом бензина...

— Гном. Гно-ом! — услышал я голос тролля вдалеке. — Не прячься, маленький мошенник, я всё равно тебя найду.

Я снова прикинулся листом опунции. Нос мой уперся в спелый ночтли, и я понял, что так и не успел съесть ни одного плода. Может, пока тролль далеко, наскоро перекусить?

Плод оказался слегка перезревшим и брызнул соком во все стороны, обдав заодно и меня. По этому запаху тролль поймает меня в два счёта. Если только...

Я метнул ночтли в ту сторону, откуда в последний раз доносился голос тролля.

— Попался! — рявкнул он, но тут же ликование сменилось разочарованным воем — видимо, он схватил мой снаряд.

Не давая врагу опомниться, я швырял ночтли куда придётся. Воздух быстро наполнился одуряюще сладким ароматом плодов. Тролль отчаянно завыл: он понял, что я перебиваю свой запах.

— Я буду есть тебя по кусочкам. По очень маленьким кусочкам, слышишь, маленький негодяй?

Я же, окрылённый успехом, радостно извалявшись в кактусовых ягодах, решил вернуться за брошенными образцами. Убедить гномов в том, что найдено новое месторождение, можно лишь при наличии убедительных доказательств. У нас есть тысяча и одна причина не начинать копать в новом месте, пока не истощится старое. Будьте уверены, после гнома ничего в земле не остаётся, там даже не растёт ничего. Почти все пустыни мира — это следы пребывания гномов. Но если месторождение найдено и подарено — его обязаны начать разрабатывать. Большинство горных заводов — результат марьяжа, ветвь фамильного древа. Я же собирался основать новую династию. Если, конечно, выживу.

Не подумайте, что я не запомнил, где добыл образцы. Я вернулся бы туда и с закрытыми глазами. Но кроме меня на благосклонность моей избранницы претендовали ещё десять женихов, один другого выгодней, и все из хороших семей, и всем было что предложить. Уже сегодня ей могли сделать предложение, а следующий мой выходной только через неделю. Именно поэтому я решил рискнуть и вернуться за мешком.

На том месте, где я его бросил, мешка не оказалось. Пропали и образцы, и теодолит, и шанец. Не веря глазам, я ползал по земле, пытаясь отыскать хоть один камушек. Как вы, наверное, догадываетесь, тщетно. Тролль их забрал. Очевидно, вещи мои понадобились ему в качестве приправы ко мне же. Я настолько отчаялся, что готов был выкрикнуть самые отчаянные проклятия, и вновь себя

обнаружить, как вдруг за спиной раздался всё тот же скрипучий голос.

— Ты это потерял?

Я медленно обернулся. Троль стоял совсем рядом. В левой лапе он сжимал мешок, в правой — шанец. Теодолит, похоже, был потерян. Босс мне за это зарплаты точно не накинёт, почему-то подумал я.

Троль же понюхал мой мешок и по телу его пробежала дрожь. Я видел, как напряглись мускулы под его дряблой кожей, мысленно попрощался с невестой. Взгляд невольно поднялся к небу. И в тот же миг рот мой будто сам по себе открылся и выкрикнул:

— Стой!

Троль невольно переступил с ноги на ногу.

— Ты обещал сказать, где золото! — потребовал я.

Враг угрюмо пошевелил лепестками губ и сказал:

— Оно у тебя в мешке.

— Врёшь!

— Да как ты смеешь, еда! Этой ночью ты копал в десяти шагах от меня, я иду по твоему следу с самого восхода солнца! Думаешь, я случайно жду тебя здесь, на пути к старой штольне?

Штольня! Как я мог забыть про заброшенную штольню, бывшее логово гномов-подростков! Я там, конечно, ни разу не был, чичимека ушли отсюда примерно за полвека до моего рождения, но ведь знал же!

— Вы что, на месторождениях живёте? — спросил я.

— Мы там охотимся, — нехотя ответил троль. — Зачем тебе знать это? Я тебя сейчас съем.

— Подавишься, — грубо ответил я и дал стрекача.

В другое время манёвр мой потерпел бы фиаско, но перед тем, как крикнуть «стой», я увидел, что на солнце надвигается огромное чёрное пятно. Мы, гномы, живём под землёй и мало знаем о небесных явлениях, но даже я знал о том, что такое солнечное затмение. Пока мы говорили, луна всё больше заслоняла солнечный диск, и, когда я бросился бежать, долину накрыла тень.

Уже не помню, как бежал я под вспыхнувшими внезапно надо мной звёздами: мир вокруг смазался, и единственное, что видел я впереди, — отсвет гномьего фонаря над входом в штольню. Фонари эти горят даже на заброшенных шахтах, чтобы Народ Ночи помнил, где их дом. На моё счастье, до дома было рукой подать.

Звёзды быстро гасли, небо светлело, и вскоре за спиной я услышал топот исполинских ног: троль, ненадолго обездвиженный отсутствием ультрафиолета, отмер и теперь стремительно меня нагонял. Увидев вход под землю, я ещё издали проорал пароль на языке эза'р и буквально нырнул в едва открывшуюся автоматическую дверь. Створ за моей спиной закрыться не успел: троль, засунув в щель лапы, одним движением вырвал дверь из паза. Но шлюз как раз для таких случаев был сделан глубоким, и солнечный свет не проникал в него больше, чем на длину лапы тролля.

— Еда! Вернись! Вернись, хуже будет.

— Размечтался, — ответил я.

Троль всунул морду внутрь.

— Сделка есть сделка! — прорычал он.

— Какая сделка?

— Я сказал, что расскажу о золоте, прежде чем попробую тебя на вкус. Ты потребовал рассказать и получил ответ. Твоя очередь исполнить договор!

Возможно, человеку это и покажется странным, но слова тролля не противоречили истине. Я потребовал исполнить обещание — он его исполнил. Если он меня не съест, будет считаться, что он сказал неправду. Ложь и неисполнение договора накладывает проклятие на солгавшего и обманутого.

— Я исполню договор, — сказал я. — Только отдай лопату.

Морда тролля убралась, и тотчас к моим ногам упала лопата, выдавший виды приисковый железный заступ, с крепким древком и изрядно сточенным штыком. Инструмент, которым я собирался исполнить договор.

Прежде чем сделать это, я стянул с себя рубаху и разорвал её на ленты. Потом выдернул из штанов ремень, перетянул левую ногу ниже колена, а конец его зажал во рту.

Взял лопату и несколько раз плавно поднял и опустил её, прицеливаясь.

— Что ты там делаешь? — тролль вновь сунил морду в штольню.

Именно в этот момент я рубанул по ступне.

Описывать ту боль, что я испытал, бессмысленно. Вы не хотите — да и не должны — этого испытывать, вот и всё. После удара я тут же упал и заорал, прижимая к себе покалеченную ногу. Тролль, похабно ухмыляясь, смотрел, как я истекаю кровью.

— Пшёл вон, тварь, — проорал я, изнемогая.

— Договор, — напомнил он.

Я схватил обрубок ступни и швырнул ему в морду. Тролль не стал уворачиваться. Просто вся его башка будто вывернулась наизнанку — так широко распахнулись лепестки его пасти — и он на лету поймал часть моей ноги и с глубоким хлюпом проглотил её.

Меня не вырвало. Напротив, я даже очнулся, взял себя в руки и, громко ругаясь на испанском и английском, начал бинтовать рану.

— Чего ты ждёшь? — спросил я тролля, когда кровь, наконец, остановилась.

— Договор!

— Я всё исполнил, кретин тупоголовый! Речь шла о том, чтобы попробовать меня на вкус. Ты попробовал. Понравилось?

— Э... — тролль на мгновение закатил глаза, обдумывая мой ответ, а когда до него дошло, что попробовать на вкус вовсе не значит сожрать полностью, тоже выругался.

— Всё, столовая закрыта, можешь проваливать, — сказал я.

— Я могу тебя достать, — сказал он.

— Добро пожаловать. Я с удовольствием раскрошу тебя на мелкие кусочки и добавлю в бетонный раствор. Вечером меня хватятя и организуют поиски, а когда найдут ещё и тебя — в лучшем случае посадят в клетку и будут показывать в музее антропологии. Я не тороплюсь: где лежит золото, я теперь знаю, нога у меня новая через год вырастет, так что я в любом случае выиграл.

— Ты невкусный, — ответил тролль обиженно.

— Выплюнь тогда, — пожал я плечами.

Тролль помотал головой. Снаружи донёлся какой-то шорох, и морда его снова исчезла. Я же отполз к дальней стенке шлюза, на всякий случай слился с ней и закрыл глаза.

В забытьи, судя по свету от входа, я провалялся почти три часа. Нога тупо ныла, бинты изрядно намокли. Снаружи слышался громкий храп тролля, к которому примешивался странный стрекочущий звук. Неужели вертолёт?

Искать меня, конечно, будут. Кредит на образование руководству компании я буду ещё лет десять, если не женюсь. Терять специалиста им невыгодно. Но я не думал, что спасательная операция начнётся раньше, чем стемнеет. Превозмогая страх и боль, я пополз глянуть, что такое там стрекочет.

Чем ближе я приближался к источнику звука, тем больше понимал, что это не вертолёт. Стрёкот был неравномерный, неритмичный, будто трещотка на реечном домкрате — то долго крутят, то по одному зубчику, то по два.

Я выглянул наружу. Тролль разлёгся на солнцепёке и дрых. Рядом с ним валялся мой мешок, чуть в стороне я увидел и кирку. А потом заметил источник стрёкота, и в этот момент мне впервые за этот бесконечный день стало как-то не по себе. Детёныш тролля вертел в крошечных лапках мой теодолит и слюнявил его своими маленькими губами-лепесточками, которые и издавали стрёкот.

Маленький тролль был пока без ног. Он вырастал из живота своего родителя, из этих противных желтоватых складок, и был так же уродлив, но отвращения почему-то не вызывал. Скорей, любопытство. Впрочем, рисковать, наблюдая за игрой маленького чудовища, мне не хотелось, и я отполз обратно в глубь штольни, где вновь лёг у дальней стенки. И уже приготовился снова заснуть, как вдруг послышался тонкий продолжительный скрип.

Храп тотчас прекратился. Через несколько секунд тролль снова заглянул в штольню.

— Гном, ты живой?

— Ха-ха, — ответил я.

— Гном, мне нужно тебя съесть.

— А где «пожалуйста»?

— Пожалуйста.

– Спасибо, я не заинтересован.
– Гно-ом, тварь ты такая! Мне нужно есть!
у меня... у меня будет дитё!

Тут снова раздался тонкий скрип.
– Он так плачет? – спросил я, когда скрип прекратился.

– Просит есть.
Я немного помолчал, потом сказал:
– У тебя симпатичный малыш.
– Дитё не родится, если я не буду есть, –
сказал тролль. – Оно сожрёт меня, не сможет
никуда уйти, будет орать, люди и гномы при-
дут на звук, дождутся новолуния и расколотят
его на щепень.

– Да хоть все вы передохнете, мне-то что
за беда?

– Все уже и передохли, – ответил тролль. –
Кого-то вы, кого-то люди в пыль размолоти,
но большая часть – с голоду. Мы последние.
Чтобы дитё родилось, мне нужно съесть гнома.

– Значит, тебе нужно сожрать гнома, чтобы
вы выжили и могли дальше жрать гномов?

– Вы же убивали троллей, чтобы мы не
мешали вам добывать золото.

– А зачем вы мешаете?

– Потому что после ваших приисков нам
негде жить и нечего есть. Мы усваиваем толь-
ко живое мясо, а после вас никакой живно-
сти не остаётся.

– Вы же падаль жрёте.

– А что нам ещё жрать?

Если бы я не получил высшее образова-
ние, то лишь рассмеялся бы в морду чудови-
щу в ответ на все его обвинения. Но в ака-
демии я посещал курс истории. Ровно те же
претензии гномы предъявляли людям перед
заключением мирного договора.

– Почему вы ничего не сказали? – спро-
сил я.

– А вы разве слушали?

Я мог бы плюнуть в эту уродливую морду.
Будьте уверены – я бы так и сделал, если бы
не видел троллье дитё.

– Предлагаю заключить новый договор, –
сказал я.

Это походило на изощрённое циничное
самоубийство. В моём мобильнике закончил-
ся заряд, да и связи не было никакой. О том,
чтобы тролль донёс меня до прииска, и речи
быть не могло: его бы расстреляли из танка.
Я мог вызвать спасателей лишь одним спо-
собом. У входа в штольню валялись старые
покрышки – видимо, ими подростки блоки-
ровали автоматическую дверь. Эти покрыш-
ки мы, с грехом пополам, и подожгли. Когда
в небо взвился жирный чёрный столб дыма,
который наверняка должны были увидеть
спасательные службы с прииска, тролль и его
дитё откусили у меня обе ноги.

Вы видите, что я выжил – спасатели по-
дроспели вовремя. Новая золотая жила, ко-
торую я подарил своей невесте, до сих пор
даёт прибыль. С тех пор я открыл два пла-
тиновых месторождения и три бассейна
с редкоземельными металлами и основал
самый крупный металлургический концерн
в мире. Но каждый год в это время я при-
езжаю к старой штольне, чтобы тролль, и его
подросшее дитё, а потом и его собственное
дитё, и дитё его дитя, могли откусить у меня
по ноге, потому что троллям, чтобы родиться,
нужно живое мясо гнома. В свою очередь, ни
один из троллей не может причинять вред ни
гномам, ни людям.

Я не вправе требовать, чтобы вы, дети,
и внуки, и правнуки мои, поступали так же.
Но гордость всей моей жизни – это договор
с троллем.